

Роберт К. Масси

Петр Великий. Ноша императора

© «Peter the Great» by Robert K. Massie, 1980
© Лужецкая Н. Л., перевод на русский язык, 2015
© Волковский В. Э., наследники, перевод на русский язык, 2015
© Анисимов Е. В., комментарий, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2015

Часть I

На европейской сцене

Глава 1

Финский берег

Петр вернулся в Санкт-Петербург 22 марта 1713 года, но провел в своем любимом городе только месяц. В апреле он получил известие из Турции от Шафирова, что, хотя опустошительные набеги татар на Украину не прекращаются, сами турки-османы не намерены вести серьезную войну на юге. Так что царь мог сосредоточить все внимание на подготовке флота и армии к завоеванию балтийского берега.

Как только стало ясно, что сдача Стенбока, запертого в крепости Тённинг, неизбежна, Петр обратил свой взор к противоположной оконечности Балтийского моря, решив изгнать шведов из Финляндии. Оставлять ее себе он тоже не собирался, но любые завоеванные финские земли за пределами Карелиигодились, чтобы поторговаться, когда придет время мирных переговоров. Например, их можно было бы использовать как разменную монету для удержания тех шведских территорий (Ингрия и Карелия), которые Петр рассчитывал сохранить за собой. У финской кампании имелось и еще одно преимущество: он собирался вести ее сам по себе, без всяких союзников-соперников, ставящих палки в колеса. После мучительных промедлений в Померании – из-за задержек в доставке артиллерии, из-за необходимости уговаривать других монархов сдержать данное ими слово – каким же облегчением будет вести кампанию, где и как заблагорассудится!

По сути дела, Петр решился на этот поход еще до наступления весны. Уже в ноябре предыдущего года он написал из Карлсбада Апраксину и распорядился ускорить подготовку армии и флота для наступления в Финляндии. «Эта провинция, – писал Петр, – суть титькою Швеции, как сам ведаешь, не только что мяса и прочее, но и дрова оттоль. И ежели Бог допустит до Абова [Або – шведское название города Турку на восточном берегу Ботнического залива, тогдашняя столица Финляндии], то шведская шея мяхче гнутца станет»¹.

Финская кампания, проходившая летом 1713 и 1714 годов, была скорой, умелой и не слишком кровопролитной. Этим блестящим успехом Россия почти полностью была обязана своему новому Балтийскому флоту.

* * *

В петровское время произошли серьезные изменения в конструкции кораблей и в военно-морской тактике. В 90-х годах XVII века, когда впервые появился термин «линейный корабль», беспорядочные поединки кораблей сменились «линейной» тактикой – два ряда

¹ Список цитируемых источников приведен в конце книги. Подстрочные примечания научного редактора снабжены указанием – *Примеч. ред.* В остальных случаях примечания принадлежат автору.

военных судов шли параллельными курсами и обстреливали друг друга из тяжелых орудий. Новая тактика определяла и конструкцию судов: крупный боевой корабль должен был обладать достаточной мощностью, чтобы держать линию в бою, в отличие от меньших по размерам, но быстроходных фрегатов и шлюпов, применявшихся для рекогносцировок и перехвата торговых судов противника. Требования к линейным кораблям были строгими: прочная постройка, пятьдесят и более тяжелых пушек и команда с отменным опытом в мореходном деле и меткой стрельбе. Тут по всем статьям первенствовали англичане.

Средний линейный корабль нес 60–80 тяжелых орудий, они устанавливались рядами на двух или трех артиллерийских палубах по левому и правому борту, поэтому даже при общем бортовом залпе только половина корабельных орудий была по неприятелю. Некоторые военные корабли были еще больше, сущие девяносто- и стопушечные голиафы, с командой, насчитывавшей свыше 800 человек, включая снайперов, которых посылали на рей отстреливать офицеров и артиллеристов на вражеских палубах.

Военные суда выходили из строя не только из-за повреждений, полученных в боях, но и под разрушительным воздействием времени и природной среды – дырявые корпуса, расшатанные мачты, разорванный такелаж и расплетшиеся ванты были обычным делом. Для серьезного ремонта судам приходилось отправляться в порт, поэтому судоремонтные базы составляли важный элемент могущества любой морской державы.

Зимой, особенно на Балтике, когда вставал лед и все военно-морские операции прекращались, флоты погружались в спячку. Суда ставили к причалу, снимали с них паруса, такелаж, стеньги, рангоут; пушки и ядра уносили и складывали рядами или в пирамиды. На военно-морских базах Балтийского моря в Карлскруне, Копенгагене, Кронштадте и Ревеле высились бок о бок, как спящие слоны, громадные, перевернутые вверх килем корабельные корпуса, вмерзшие в лед на всю зиму. Весной их по одному килевали, то есть клали на бок, чтобы заменить прогнившие или поврежденные доски обшивки, отскрести ракушки, заново проконопатить и просмолить швы. После этого корабли отправлялись к причалу и в обратном порядке повторялась осенняя процедура: пушки, рангоут, такелаж возвращались на борт, и корпус снова превращался в военный корабль.

По сравнению с британским королевским флотом, с его сотней линейных кораблей, прибалтийские государства располагали скромными флотами, предназначенными главным образом для борьбы друг с другом в пределах этого замкнутого суши моря. Дания представляла собой почти островное королевство, и ее столица, Копенгаген, была полностью открыта с моря. Шведская империя, доставшаяся Карлу XII, тоже была морской державой, единство которой обеспечивалось свободным перемещением войск и припасов между Швецией, Финляндией, Эстонией, Ливонией и Северной Германией. Из новой, стратегически удобной военно-морской базы в Карлскруне, построенной в 1658 году, чтобы сдерживать датчан и защищать морские коммуникации, связавшие ее с ее германскими провинциями, Швеция могла контролировать всю центральную и северную Балтику. Даже после того, как при Полтаве была посрамлена ранее непобедимая шведская армия, шведский флот все еще оставался грозной силой. В 1710 году, через год после Полтавы, у Швеции был 41 линейный корабль, у Дании столько же, а у России ни одного. Первый среди шведских адмиралов, Вахтмейстер, воевал преимущественно с датчанами, но могучие шведские эскадры все еще курсировали в Финском заливе и вдоль берегов Ливонии.

Русским шведский флот не мог причинить большого вреда. Он обеспечивал доставку припасов и подкреплений, но если армия вела боевые действия на суше, толку от флота было немного. В то время как русские осаждали Ригу, весь шведский флот собрался возле устья Двины, но это не могло помочь защитникам города, и в конце концов Рига сдалась. Но в заключительной фазе Северной войны военно-морская мощь стала приобретать все более важное значение. Петр осознал, что единственный способ принудить упрямых шведов к заключению мира – это создать угрозу их дому через Балтийское море. Одна торная дорога для вторжения вела из Дании прямо в Швецию, причем массированную высадку мог поддержать и прикрыть датский флот. (Над планом такого наступления царь раздумывал все

лето и осень 1716 года.) Другой путь вел вдоль берегов Финляндии, а потом через Ботнический залив на Аландские острова и к Стокгольму. Его-то и решил испытать Петр в течение лета 1713 и 1714 годов.

Конечно, царь предпочел бы совершить эту акцию во главе могучей русской военно-морской эскадры из пятидесяти линейных кораблей. Но заложить на стапелях мощные кили, вывести ребра шпангоута, обшить их досками, отлить пушки, поставить такелаж, набрать и обучить команды ходить под парусами и сражаться так, чтобы причинять больше ущерба неприятелю, чем самим себе, – это была грандиозная задача. Несмотря на то что наняли иностранных корабельных мастеров, адмиралов, офицеров и матросов, дело шло медленно. Гигантские усилия, предпринятые в Воронеже, Азове и Таганроге, сейчас значения не имели: чтобы построить новый флот на Балтике, надо было все начинать с самого начала.

Постепенно за 1710 и 1711 годы построили несколько крупных судов, но все-таки их у Петра было еще слишком мало, чтобы бросить вызов шведскому флоту в морском сражении за контроль над Балтикой по всем правилам военного искусства. Кроме того, раз уж он потратил время и огромные средства, чтобы соорудить и оснастить суда, он хотел их сохранить. Поэтому царь издал приказ, строжайшим образом запрещающий его адмиралам рисковать в бою линейными кораблями и фрегатами, если обстоятельства не складывались исключительно благоприятно. В результате новые крупные суда петровского Балтийского флота в основном стояли в порту.

Несмотря на то что Петр продолжал строить собственные линейные корабли и заказывал их на голландских и английских верфях, блестящий успех его морских кампаний 1713 и 1714 годов в Финском заливе определило применение судов, прежде на Балтике невиданных, – галер. Галеры были судами-гибридами. Обычно длина галеры достигала примерно 80–100 футов; она несла одну мачту с единственным парусом, но была оснащена также многочисленными скамьями для гребцов. Снаряженная таким образом, она соединяла в себе свойства парусных кораблей и гребных судов и могла двигаться и при ветре, и в штиль. Веками галеры применялись в закрытых водах Средиземного моря, где ветры переменчивы и ненадежны. И даже в XVIII веке в его залитых солнцем заливах и бухтах жили морские традиции времен персидских царей и Римской республики. На галерах с тех пор появились маленькие пушки, но суда эти были по-прежнему слишком невелики и неустойчивы, чтобы нести на борту тяжелые орудия, подобно крупным кораблям. А потому и в XVIII веке галеры сражались, используя тактику, разработанную при Ксерксе и Помпее: они подходили на веслах к вражескому судну и брали его на абордаж, причем исход дела решался в рукопашной схватке морских пехотинцев, которая происходила на тесных, уходящих из-под ног, скользких палубах.

В петровское время османский флот состоял в основном из галер. Самое большое из этих чудищ, на которых офицерами состояли греки, а на веслах сидели рабы, несло целых 2000 человек – две палубы гребцов и десять рот солдат. Чтобы драться с турками в тесных водах Эгейского и Адриатического морей, венецианцы тоже строили галеры, и именно в Венецию посылал Петр многочисленных молодых россиян, чтобы учиться этому искусству. Франция держала в Средиземном море примерно сорок галер, на которых гребцами были преступники, осужденные вместо смертной казни к пожизненной каторге на галерах. Британия же, окруженная бурными морями, галер не применяла.

Петра галеры всегда интересовали. Их можно было строить быстро и недорого, и сосна для этого подходила даже лучше, чем твердая древесина. На них можно было сажать гребцами не опытных моряков, а солдат, и использовать их заодно как морскую пехоту, способную перебраться на неприятельское судно и вступить в схватку. Самая крупная галера могла взять на борт 300 человек и пять пушек, самая маленькая – 150 человек и три пушки².

² Модель русской галеры «Двина», построенной в 1721 г., хранится сегодня в Музее российского военно-морского флота в Санкт-Петербурге. Она воспроизводит судно длиной 125 футов и шириной 20 футов; на каждой из 50 его скамеек умещалось 4–5 гребцов; весло имело в длину 43,5 фута.

Сначала Петр строил галеры в Воронеже, потом в Таганроге, а те, что были сооружены на Чудском озере, применялись во время кампаний 1702, 1703 и 1704 годов, чтобы изгнать с озера шведскую флотилию. Именно с помощью галер можно было компенсировать преимущество шведов в больших военных судах на Балтийском море. Учитывая характер финского побережья – мириады скалистых островков, фьорды с обрывистыми берегами красного гранита, – Петр мог нейтрализовать шведский флот, попросту уступив ему открытое море, в то время как его собственные увертливые плоскодонные галеры стали бы действовать в прибрежных водах, куда крупные шведские корабли не решались зайти. Крейсируя вдоль берега, русские галеры могли перевозить провиант и войска, оставаясь почти недосыгаемыми для шведских судов. А если бы шведы рискнули приблизиться, чтобы дать бой, то их большие корабли легко могли налететь на рифы. В штиль они беспомощно замерли бы на месте и стали бы легкой добычей для русских галер, которые подошли бы на веслах и взяли их приступом. Для Швеции внезапное появление России в качестве военно-морской силы на Балтике, да еще с упором на галерный флот, стало весьма неприятным сюрпризом. Шведские адмиралы привыкли располагать постоянным флотом современных тяжелых линейных кораблей, готовых сразиться с традиционным соперником – датчанами. И когда петровские галеры начали одна за другой шлепаться в воду со стапелей, Швеция оказалась перед лицом совершенно иной войны на море. И без того истощенная страна не располагала финансовыми средствами, чтобы одновременно содержать флот для войны с датчанами и заново строить огромный галерный флот, предназначенный сражаться против России. И потому шведские адмиралы и капитаны могли лишь покорно наблюдать со своих высоких кораблей в открытом море, как петровские весельные мелкосидящие галерные флотилии продвигаются вдоль суши, быстро и успешно заведая финским побережьем.

Верховным руководителем этих удачных военных операций был генерал-адмирал Федор Апраксин, обыкновенно бравший на себя и командование галерным флотом. Вице-адмирал Корнелий Крюйс, голландский офицер, помогавший Петру строить флот и готовить моряков, как правило, поднимал свой флаг на одном из линейных кораблей, а сам царь, всегда настаивавший на том, чтобы его называли «контр-адмирал Петр Алексеевич», когда он находился на флоте, командовал поочередно то эскадрами больших судов, то флотилиями галер. Своей обходительностью и знанием дела Апраксин производил большое впечатление на подчиненных ему офицеров-иностранцев. Один из английских капитанов описал его как человека «среднего роста, хорошо сложенного, склонного к полноте, всегда следящего за своими волосами, очень длинными и теперь уже седыми, обычно он их завязывает на затылке лентой. Он давно овдовел, детей не имеет, и тем не менее, глядя на его дом, сад, прислугу, одежду, сразу чувствуешь безупречную хозяйственность, порядок и благопристойность. Все единодушно считают, что у него отличный нрав; но он любит, чтобы люди держались сообразно своему чину». Отношения Апраксина с Петром и на суше, и на море были отмечены взаимным уважением, но с легким отпечатком настороженности. При дворе, высказав какое-нибудь мнение и убежденный в своей правоте, Апраксин продолжал, «даже когда ему противостояла самовластная воля монарха, настаивать на справедливости своих требований, пока разгневанный царь угрозами не заставлял его замолчать». Но на море Апраксин Петру никогда не уступал. Сам генерал-адмирал впервые ступил на корабль и стал постигать морское дело и военную тактику уже в солидных летах. И все же он отказывался подчиниться, даже если царь, как флаг-офицер, будучи иного мнения, пытался оспорить взгляды генерал-адмирала на том основании, что тот никогда не видал чужеземного флота. Граф Апраксин, к крайней ярости царя, попросту отвергал это обвинение; хотя после он обычно являлся к Петру со словами: «Пока я спорю с вашим величеством как с флаг-офицером, я ни за что не уступлю; но когда вы в царском чине, я знаю свое место».

* * *

К весне 1713 года галерный флот был готов. В конце апреля, всего месяц спустя после возвращения из Померании, Петр отплыл из Кронштадта с флотом, состоявшим из 93 галер и ПО других крупных судов, на борту которых в общей сложности находилось больше 16 000 солдат. Во главе всего флота стоял Апраксин, царь командовал авангардом. Поход увенчался чрезвычайным успехом. Используя галеры, чтобы перебрасывать войска с одного участка берега на другой, русская армия упорно продвигалась к западу вдоль финского побережья. Это был классический пример десантных боевых действий: стоило шведскому генералу Любеккеру занять с войсками сильную оборонительную позицию, как русские галеры, прижавшись к берегу, незаметно проскальзывали у него за спиной, заходили в какую-нибудь гавань и высаживали сотни, а то и тысячи солдат, не утомленных пешим походом и снаряженных артиллерией и боеприпасами. Шведы никак не могли им помешать, и Любеккер отступал и отступал.

В начале мая десятки русских кораблей показались в виду Гельсингфорса, богатого города с отличной глубоководной гаванью. Очутившись лицом к лицу с тысячами русских, внезапно явившихся с моря, защитники могли только сжечь склады и покинуть город. Петр тут же поплыл в близлежащий порт Борго, и Любеккеру пришлось сдать и его. Любеккера никогда не любили в Стокгольме, на него то и дело поступали жалобы, но Совет не решался сместить его, так как он был назначен самим королем. Теперь, однако, вопрос ставился так: «Давайте решать, от чего нам лучше избавиться: от Любеккера или от Финляндии».

К сентябрю 1713 года русские десанты достигли Або. Любеккера отозвали и заменили генералом Карлом Армфельдом, уроженцем Финляндии. 6 октября войска Армфельда заняли позицию в узкой перемычке между озерами близ Таммерфорса (Тампере). Русские пошли в наступление, разгромили их и обратили в бегство. После этого в Финляндии оставался лишь небольшой отряд шведской армии к северу от Або, а все шведские гражданские чиновники, государственный архив и библиотека, принадлежавшие властям провинции, были вывезены в Стокгольм. Многие из жителей Финляндии бежали через Ботнический залив и укрылись на Аландских островах. Так, за одно лето, безо всякой помощи (но зато и без препон) со стороны какого-либо иностранного союзника, Петр завоевал всю южную Финляндию.

Но все-таки на море шведский флот сохранял превосходство. На удалении от берега шведские линейные корабли были в состоянии разнести русские галеры в куски огнем своих тяжелых орудий. Галеры могли рассчитывать на успех, только если бы удалось заманить крупные суда поближе к берегу и, дождавшись, когда спадет ветер, внезапно на них напасть. И как раз такой случай представился Петру в Гангутском сражении в августе 1714 года.

Готовясь к военно-морской кампании 1714 года, Петр почти вдвое увеличил свой Балтийский флот. Только в марте была закончена постройка шести новых галер. Три линейных корабля, купленных в Англии, прибыли в Ригу, а еще один, построенный в Петербурге, стал на якорь в Кронштадте. К маю 20 русских линейных кораблей и около 200 галер были в боевой готовности.

22 июня 100 галер, в основном под началом венецианцев и греков, имевших опыт боевых операций в Средиземном море, отплыли в Финляндию, имея своим командующим Апраксина, чьим заместителем в чине контр-адмирала был Петр. Несколько недель подряд в середине лета русские корабли крейсировали вдоль берегов южной Финляндии, но не отваживались высунуться за скалистый мыс полуострова Гангут (Ханко) в западной части залива, опасаясь встречи с грозным шведским флотом, который поджидал их, маяча на горизонте. Это была крупная эскадра, состоявшая из шестнадцати линейных кораблей, пяти фрегатов и нескольких галер и судов меньшего размера, под командованием шведского адмирала Ваттранга. На него возлагалась задача перекрыть русскому флоту путь дальше на запад, к Аландским островам и побережью Швеции.

Эта тупиковая ситуация длилась несколько недель. Ваттранг не собирался давать бой вблизи от берега, а русские галеры не желали подвергаться огню тяжелых пушек Ваттранга в открытом море и стояли на якоре в Тверминне, в шести милях к востоку от гангутского мыса. Наконец 4 августа суда Ваттранга направились было к русским, но, увидев множество

парусов над русскими кораблями, повернули назад в открытое море. Русские галеры тут же пустились вслед, в надежде захватить хотя бы несколько шведских кораблей, если ветер стихнет. Но те, усердно маневрируя, сумели удалиться на безопасное расстояние.

Однако на следующее утро наконец свершилось то, на что надеялся Петр. Ветер стих, море успокоилось, а на его зеркально-гладкой поверхности лежала шведская флотилия под командованием адмирала Эреншельда. Русские поспешили воспользоваться моментом. На рассвете 20 галер покинули надежные прибрежные воды и на веслах обошли с моря застывшие без движения шведские корабли. Когда шведы поняли, что происходит, они спустили на воду шлюпки и попытались на веслах оттащить корабли подальше от берега. Но усилия немногочисленных матросов в маленьких шлюпках не могли сравниться с дружными взмахами гребцов на русских галерах. Ночью главные силы Апраксина, свыше 60 галер, проскользнули между шведами и берегом и вышли в море, разделив эскадры Ваттранга и Эреншельда. Ища укрытия, Эреншельд зашел в узкий фьорд и выстроил корабли в линию, нос к корме, перегородив фьорд от берега до берега. На следующий день, когда шведской эскадре помощи ждать было уже неоткуда, Апраксин изготовился к атаке. Но сначала он послал офицера на борт шведского флагмана предложить Эреншельду почетные условия сдачи. Предложение было отклонено, и битва началась.

Это было странное, необычайное сражение между боевыми кораблями двух разных видов, старинного и современного. У шведов было преимущество в тяжелой артиллерии и в опытных моряках, но русские имели подавляющее превосходство в численности – судов и людей. Их сравнительно небольшие, подвижные галеры с пехотой на борту все разом набрасывались на шведские корабли и, невзирая на потери, наносимые им артиллерией противника, окружали и брали на abordаж недвижимые шведские суда. Создавалось впечатление, что Апраксин командовал судами не как адмирал, а скорее как генерал, бросающий в битву все новые волны пехоты или кавалерии. В 2 часа пополудни 27 июля он приказал первым 35 галерам идти в атаку. Шведы выждали, пока те приблизятся, а затем разнесли их палубы огнем из пушек и заставили отойти. Отражена была и вторая атака, в которую бросили уже 80 галер. Тогда на приступ пошел уже весь флот Апраксина – в общей сложности 95 галер, которые сосредоточились возле левого крыла сомкнутой линии шведских судов, перегородивших фьорд. Русские abordажные команды лавиной обрушились на шведские корабли; один из них даже перевернулся под тяжестью людей, сражавшихся на его палубе. Как только линия шведских кораблей была прорвана, в прорыв устремились на веслах русские суда – теперь они нападали на остатки шведской линии сразу с двух сторон и один за другим захватывали шведские корабли, застывшие без движения. Битва бушевала три часа, обе стороны несли тяжелые потери. Наконец шведов одолели, убитых было 361, а более 900 человек попали в плен. Захватили самого Эреншельда вместе с его флагманом, фрегатом «Элефант», и девятью кораблями поменьше.

Существуют разногласия относительно местонахождения Петра во время этой битвы. Некоторые утверждают, что он командовал авангардом апраксинских галер, другие – что он наблюдал за боем с берега. Битва при Гангуте не была классически правильной военно-морской операцией, но она стала первой в истории России морской викторией. Петр всегда считал эту победу по значимости равной Полтаве, доказательством того, что он не зря потратил годы труда на строительство флота.

Окрыленный успехом, он захотел отпраздновать победу самым пышным образом. Отправив основной флот на запад занимать оставшиеся без защиты Аландские острова, Петр вернулся в Кронштадт с трофейными шведскими кораблями. Несколько дней он оставался там в ожидании родов Екатерины. Затем появилась на свет их дочь Маргарита, и 7 сентября царь-триумфатор, под артиллерийский салют в 150 залпов, приплыл в столицу, ведя за собой вверх по Неве захваченный фрегат и еще шесть шведских кораблей. Корабли стали на якорь возле Петропавловской крепости, их команды – и русские, и шведские – сошли на берег для торжественного шествия. На параде, который открыли гвардейцы-преображенцы, можно было увидеть 200 шведских офицеров и матросов, а также флаг плененного адмирала и

самого адмирала Эреншельда в новом шитом серебром костюме, подаренном ему царем. Петр появился в зеленой с золотом форме русского контр-адмирала. По этому случаю воздвигли новую триумфальную арку, украшенную российским орлом, держащим в когтях слона (намек на захваченный шведский фрегат), и надписью «Российский орел мух не ловит». Пройдя под аркой, победители и побежденные следовали в крепость, где их приветствовал Ромодановский, восседавший на троне в роли потешного царя, и члены Сената. Ромодановский подозвал к себе контр-адмирала и принял из его рук свиток с описанием морского сражения. Текст зачитали вслух, после чего потешный царь и сенаторы задали Петру несколько вопросов. По недолгом размышлении они дружно провозгласили, что за верную службу контр-адмирал производится в вице-адмиралы, и толпа разразилась криками: «Виват вице-адмирал!» В своей благодарственной речи Петр обратил внимание соратников на перемены, произведенные всего за два десятилетия: «Братья! Есть ли среди вас человек, который бы двадцать лет назад предвидел, что будет строить со мной корабли здесь на Балтике и поселится в странах, завоеванных нашими трудами и храбростью?»

Когда церемония завершилась, Петр взшел на борт своего шлюпа и собственноручно поднял на нем вице-адмиральский флаг. Вечером во дворце Меншикова был дан праздничный пир как для русских, так и для шведов. Петр встал и, оборотясь к своим русским приближенным, воздал хвалу адмиралу Эреншельду: «Вы видите здесь храброго и преданного слугу своего государя, достойного высших наград из его рук, который всегда будет пользоваться моим расположением, пока останется со мной, хотя он и убил немало храбрых россиян. Я прощаю тебя, – сказал он, обращаясь прямо к Эреншельду, – и можешь рассчитывать на мое доброе расположение».

Эреншельд поблагодарил царя и отвечал: «Как бы достойно я ни действовал по отношению к моему повелителю, я лишь выполнял свой долг. Я искал смерти, но не встретил ее, и немалое утешение для меня в моем несчастье быть пленником вашего величества и пользоваться столь благосклонным и почетным обхождением со стороны такого великого морского командира, ныне по заслугам ставшего вице-адмиралом». Позже, в беседе с присутствующими иностранными послами, Эреншельд объявил, что русские в самом деле дрались умело и он на собственном опыте убедился в том, что царь способен сделать хороших солдат и матросов из своих подданных.

Победа при Гангуте очистила от шведских кораблей не только Финский залив, но и восточную половину Ботнического залива. Адмирал Ваттранг окончательно ушел из северной Балтики, не желая подвергать свои крупные суда опасности, которую таила в себе нетрадиционная тактика русских галер. Итак, путь русским флотилиям для дальнейшего продвижения к западу был открыт. В сентябре флот из 60 галер высадил 16 000 солдат на Аландские острова. Вскоре самые большие из русских кораблей вернулись в Кронштадт, но апраксинские галеры продолжали продвигаться по Ботническому заливу на север. 20 сентября Апраксин достиг Басы и отправил оттуда 9 галер атаковать шведский берег на другой стороне залива – в результате был сожжен город Умео. Несколько галер потонуло, приближалась зима, сковывающая льдом балтийские воды, и Апраксин разместил свой флот на зимних квартирах в Або на финском берегу и напротив, через Финский залив, – в Ревеле.

Успех финских кампаний подстегнул Петра к расширению строительства кораблей. Позже, на закате его правления, Балтийский флот состоял из 34 линейных кораблей (многие из которых были 60– и 80-пушечными), 15 фрегатов и 800 галер и мелких судов с личным составом в общей сложности около 28 000 русских моряков. Это было грандиозное достижение; сетовать на то, что петровский флот все-таки был меньше британского, значило бы пренебречь тем обстоятельством, что Петр начинал с нуля, не имея ни единого судна, ни морских традиций, ни корабельных мастеров, офицеров, штурманов или матросов. И к концу его жизни некоторые из русских кораблей не уступали лучшим судам британского флота, причем, как отметил наблюдатель, «были лучше отделаны». Единственный недостаток, которого Петр так и не смог преодолеть, – это отсутствие интереса к морю у его соотечественников. Командовать кораблями продолжали офицеры-иностранцы – греки,

венецианцы, датчане и голландцы; русские же аристократы по-прежнему ненавидели море и, когда на них возлагалась морская служба, негодовали даже сильнее, чем по поводу любой другой повинности: ведь им всякая служба была в тягость. В своей любви к синим волнам и соленому ветру Петр оставался одинок.